

ИСТОРИЯ

Х.А. Амирханов

ПРОБЛЕМА ДИВЕРГЕНЦИИ АВАРСКОГО И АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ АРХЕОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ

Проблема, которой мы касаемся, в том или ином виде рассматривалась во многих общих и специальных работах ряда авторитетных исследователей дагестанских языков (*Бокарев Е.А.*, 1961; *Гигинейшвили Б.К.*, 1977; *Николаев С.Л.*, *Старостин С.А.*, 1984. С. 3–26; *Nikolaev S.L.*, *Starostin S.A.*, 1994; *Атаев Б.М.*, 1997. С. 57–60). Существующие по данному вопросу представления в обобщенном изложении (*Атаев Б.М.*, 2005) выглядят следующим образом. В конце III тысячелетия до н.э. происходит распад протодагестанского языкового единства на протолезгинскую, протолакскую и протодаргинскую составляющие. Разделение протоаваро-андо-цезской общности на две ветви – протоаваро-андийскую и протоцезскую относят к началу I тысячелетия до н.э. Дивергенция протоаваро-андийского языка определяется началом новой эры. И, наконец, распад протоандийского языкового единства на восемь современных андийских языков устанавливается в рамках раннего средневековья.

Указанные заключения относительно времени распада одних и формирования других языковых единиц сопровождаются обычно ссылками на то, что они «подтверждаются данными археологии». Так, например, создание концепции северокавказской языковой семьи основано на том, что «земледельческо-скотоводческий комплекс проник на Северный Кавказ вряд ли ранее III тысячелетия до н.э.» (*Старостин С.А.*, 1985. С. 74–94). Опирается это утверждение на археологическое исследование, опубликованное в 1953 г. (*Мунчаев Р.М.*, 1953), хотя выводы этой работы были существенно скорректированы ее же автором во множестве последующих публикаций, в том числе и в трудах, вышедших и тридцать (*Мунчаев Р.М.*, 1982. С. 100–164), и сорок (*Марковин В.И.*, *Мунчаев Р.М.*, 2003) лет спустя.

К сожалению, не только указанные, но и многие другие построения кавказского сравнительно-исторического языкознания до настоящего времени основываются на безнадежно устаревших данных о культурно-историческом развитии различных регионов Кавказа в первобытности. В них почти не учитываются археологические материалы, которые стали известны после начала шестидесятых годов прошлого века. К сожалению, и новые языковедческие работы создаются в рамках той же системы взглядов, которая покоится на источниковой базе, являющейся анахроничной для современного состояния археологических знаний. Сами археологи к построениям сравнительно-исторического языкознания (в том числе кавказского) обращаются крайне редко и, как бы, вскользь. И обращение это (*Мерперт Н.Я.*, 1988. С. 7–36; *Черных Е.Н.*, 1988. С. 37–57; *Магомедов Р.Г.*, 1998) обнаруживает недостаточную готовность большинства лингвистов к учету и активному восприятию постоянного растущего состава археологических источников.

Исследователи часто обосновывают свои разработки, исходя из убеждения, что вопросы исторического развития языка и особенно проблемы датирования можно решать, опираясь на одни только возможности глоттохронологии. Но как

быть в случаях, когда результаты глоттохронологического датирования резко расходятся с данными о возрасте тех или иных археологических реалий? Очевидно, что в сравнительно-исторических разработках предпочтение должно отдаваться датам археологическим. Для этого имеется, по крайней мере, две причины. Во-первых, датировка археологических объектов проверяема – она верифицируется совокупностью данных нескольких научных дисциплин. Во-вторых, основы самой глоттохронологической датировки изначально во многом базируются на тех же археологических данных. И, если со временем меняется характер археологических источников или появляется необходимость в существенной корректировке (например, калибровке), значений традиционных радиоуглеродных дат, то естественно, что и прежние глоттохронологические построения не могут оставаться неизбыточными (если даже изначально они казались безупречными).

Весьма настораживающим является то, что современная глоттохронологическая датировка реконструируемых «пра-состояний», например, северокавказских языков, у авторов этих реконструкций не входит в противоречие с их давней исходной установкой, согласно которой возникновение производящего хозяйства на Северном Кавказе относится к 3 тысячелетию до н.э. Это вызывает серьезные сомнения в основательности, по крайней мере, части данных глоттохронологических датировок, поскольку указанная общая установка не только не подтверждается археологическими источниками, но явно противоречит им.

Осуществление археолингвистического анализа, отвечающего современному уровню знаний о развитии материальной культуры Кавказа на протяжении последних восьми–десяти тысяч лет, является настоятельной необходимостью. Оно способно пролить новый свет на ряд вопросов, имеющих фундаментальное значение для кавказского языкознания. Это касается, в частности, проблемы времени и места формирования самой северокавказской семьи языков.

Предлагаемая работа, конечно, не претендует на решение поставленных выше общих вопросов. Ее задача ограничена рассмотрением вопроса о времени расхождения аварского и андийского (андийских) языков. Представляется, однако, что используемый в ней подход может иметь определенный интерес при рассмотрении аналогичных вопросов применительно к другим группам восточнокавказских языков.

Археологическая часть, на которой основываются выводы данной работы, состоит из общепризнанных и отраженных уже в учебниках представлений о том, что земледелие и скотоводство на Северо-Восточном Кавказе возникает в 6 тысячелетии до н.э. Для рубежа 5–4 тысячелетий до н.э. здесь фиксируется прочная оседлость и функционирование относительно развитого земледельческо-скотоводческого уклада жизни. В 3 тысячелетии до н.э. продолжается поступательное развитие указанного типа хозяйства. Есть основания говорить о том, что в это время практиковалось пашенное земледелие и стойловое содержание животных. Соответственно и лексика, связанная с орудиями, приспособлениями, продуктами, материалами и занятиями земледельческой и скотоводческой направленности, в своей основной части сформировалась не позднее 3 тысячелетия до н.э. Возможность уверенно датировать этот лексический пласт средствами археологии (с опорой на радиоуглеродный анализ) открывает возможность не гипотетических, а обоснованных сравнительно-исторических реконструкций.

Приведем ниже таблицы (табл. 1–2), в которых отражена определенная часть лексики рассматриваемого рода.

Таблица 1.

**Понятия специализированной лексики
аварского, андийского и чамалинского языков,
связанной со скотоводческим укладом хозяйства**

Понятия	Языки		
	аварский	андийский	чамалаинский
Овечья шкура (обработанная)	тГехь	ххуча	хоша
Шерсть весенней стрижки	квас	михи	мух
Шерсть осенней стрижки	цЦира	хурши	гъара ^н
Масло	нах	лъГурлъГа	лъиль
Молоко	рахь	щи ^в	ссинв
Кизяк от кр.рог.скота	тГинцИи	бара	чилвбе
Кизяк от мелк.рог.скота	тГинцИи	цЦипила	бусси
Корзина, плетенная для сена, мякены	гъегь, чГеп	гиза	и ^н ча
Пасти	кваназаризе	ещоллу	бегъвабал, иквāна
Содержать (скот)	хъихъизе	бицЦюллу	
кастрировать	ссверизабизе	ссордоллу	гъабигъла
Трепать (шерсть)	самизе (квас)	лъирду (михи)	
Сенокосное угодье	раци	хханья	
Трава	хер	кГвордо	бес
Сено	хер	гъунчГа	гъу ^н чГа
Солома	хьутГ, сум	ситГа	ситГа, хоха
Косить	бецизе	хханну	хāна
Коса	харицел	ничо	лГихъугъла
Грабли	къохорхо	лъаблъал	хохалъадаб, ха ^н хади
Вилы	лъен	кГонкъа	кГю ^н къа
Гребень для шерсти	гъоркъо	гъокъу	гъакъу
Хлев	бокь	бекъи	
Загон	ручун, лол	чали	квел, чал
Ясли, (стационарная кормушка в хлеву)	русун	орссин	асалъв
Стричь	къунцизе	къирду	къила
Доить	бечГчизе	берчГчиду	цанна
Сыворотка	риди	къерцЦи	гъецЦи
Простокваша	бетарахь	джебу	с`ара
Сметана	тГорахь	лел	кГ ^в аб

Таблица 2.

**Понятия специализированной лексики
аварского, андийского и чамалинского языков,
связанной с земледельческим укладом хозяйства**

Понятия	Языки		
	аварский	андийский	чамалаинский
Борозда	рахъ	рохъи	йехъи (рехъин – <i>гаквар. диал.</i>)
Борона	гъари	гъари	ханхади
Гумно	гъоцъу	гъинцъу	гъинсІсІв
Молотильные доски	лулби (лит.); бо-логъби (<i>чадако-лобск. диал.</i>)	белимол	белми
Мотыга	хъинцІи, хъерсекІо	цел	мала
Мякина	накку	никку	ани, никв
Серп	хъандеро; ниль	хъандиру	ххарисал
Ярмо	рукъ	рукъо	вукъ
Сошник	къеб	къебу	къоб
Соха	пуруц	ребцу	реси (<i>гаквар. диал.</i>)
Вареное зерно	гъуд	гъуди	
Жареное зерно	чІер	къиму	къим
Отруби	тІахъди	кудилол	лъульул
Сноп	гул	к ^в ол	к ^в ели
Колос	тІор	рола	ара (<i>гаквар. диал.</i>)
Хлеб	чед	гъан	гъа ^н
Тесто	гІатІ, роль	гъатІи	гъатІи
Мука	гІатІ	ленщур	гъатІ
Толокно	тІех	гун	гуни
Хинкал	хинкІ	къиннил	хинчІ
Сеять	бекъизе	бекъиду	гъа ^н гъвна (<i>гаквар. диал.</i>)
Сорняк	чІахІ	чІаха	чІахІ
Веять	лал бахъизе	лоли шамму	рали чибила (<i>гаквар. диал.</i>)
Молотить	лал тІамизе	лоли тІамму	йал игъила
Просеивать	цІалкІизе	куду	сусукІула
Молоть	ххине	их ^в охъиду	кохъила
Жать	лъильизе	рокуду	акула
Пахать	бекъизе	бекъиду	бекъла

Обобщение данных, заключенных в таблицах, показывает, что природа сходства аварских и андийских слов животноводческого и земледельческого содержания там, где оно имеет место, не одинакова. В животноводческой лексике сходства меньше, чем в земледельческом словаре. Но там, где оно наблюдается, сходство это более органично с точки зрения генетического родства лексики, чем во второй словарной группе. Большое количество общих для аварского и андийских языков слов животноводческого содержания обнаруживает близкие параллели в

других дагестанских языках. Эта лексическая группа оказывается восходящей к уровню прадагестанского языкового состояния.

Некоторые из рассматриваемых слов (например, общие понятия и отдельные названия животных по возрастам), строго говоря, спорно относить к лексике животноводческой. Они должны были возникнуть еще в эпоху присваивающего хозяйства, т.е. до одомашнивания животных. Поэтому неудивительно, что обнаруживаемое в этих словах родство шире круга только аваро-андо-цезских языков. Оно восходит к коренной генетической северо-восточнокавказской общности и имеет корни в очень глубокой древности – вплоть до эпохи мезолита (примерно до 10–9 тысяч л.н.).

Если говорить не о сходстве, а о различиях в скотоводческой части рассматриваемой лексики, то наиболее выразительно они проявляются в словах, обозначающих продукты животноводства (масло, сметана, сыворотка, шерсть и т.д.), и понятиях, связанных с уходом за животными и их эксплуатацией (пасты, стричь, выращивать и т.д.). Этот языковой пласт, конечно, не может быть древнее времени формирования развитого скотоводства. Вероятность того, что он образовался сколько-нибудь позже указанного времени, тоже трудно допустить.

Обращаясь к анализу другой – земледельческой части лексики, мы приходим к заключению о ее более выраженном единстве в аварском и андийских языках. С точки зрения общих представлений о глоттогенезе дагестанских языков это выглядит нелогичным. Ведь, казалось бы, чем дальше по времени от прааваро-андийского языкового единства, тем языки должны быть более разошедшимися друг от друга. Однако в реальности картина иная, и здесь нет противоречия не только с исторической, но и с лингвистической точек зрения.

«Неолитическая революция» повсеместно (там, где коснулись ее последствия) привела к возникновению мощного пласта культурных новаций. Наибольшее значение имело становление земледелия и появление связанных с ним орудий, средств и технологий. Последние, чаще всего, изобретались в одном месте и затем распространялись волнообразно вширь (в том числе и «эстафетным» способом). Северо-Восточный Кавказ, конечно, не был в стороне от этих процессов. Об этом красноречиво говорят материалы неолитических (Амирханов Х.А., 1987) и энеолитических памятников Дагестана (Мунчаев Р.М., 1982. С. 100-164; Гаджиев М.Г., 1991).

Лингвистическая сторона указанного кажущегося противоречия снимается тем, что в словарном составе земледельческого содержания общими в рассматриваемых языках в большинстве своем оказываются заимствования из аварского в андийские языки. В отличие от упоминаемой выше части слов животноводческого содержания, их невозможно определить как восходящих к единому (протоаваро-андийскому, протоаваро-андо-цезскому или прадагестанскому) генетическому корню. Данная лексическая совокупность почти целиком и более или менее одновременно переходит из одного языка (аварского) в другие (андийские).

Рассмотрим далее представительные примеры проявлений аграрной лексики в аварском и двух андийских языках – собственно андийском и чамалинском.

Р а ш (молоко) – в таком звучании слово до настоящего времени сохранилось в кутлабском диалекте (Бокарев Е.А., 1981. С. 50) (в североаварском диалекте – рахь). Его можно прямо сопоставлять с андийским **шц**⁶ (в том же значении). В аварском варианте, в отличие от андийского, присутствует «окаменелый» классный показатель «р». С точки зрения интересующей нас проблемы важно отметить

то, что наблюдаемые отличия двух рассматриваемых лексических форм вряд ли могут быть моложе времени возникновения в конкретной культурной среде самой реалии «молоко». Теоретически о позднем характере этих различий можно было бы говорить, если бы слово *раш* содержалось, например, в хунзахском (максимально близком к литературному), а не в таком архаичном, как кутлабский, диалекте аварского языка. Впрочем, датирование слова «молоко» временем возникновения животноводства можно обоснованно оспорить – нельзя забывать о молоке материнском. Но в этом случае мы должны относить возникновение различий в рассматриваемых лексических единицах к еще более раннему времени.

Р е б л ь а (ягненок от 6 месяцев до 1,5 года, ярка) – относится к специализированной животноводческой лексике; слово исконно андийское. Исходным в андийском языке для него выступает понятие «весна». В протоаваро-андийском словаре ему соответствует слово «лето». Андийское *рейбу* {весна} с переходом значения эквивалентно аварскому *риш* (лето). В андийском варианте присутствует классный показатель «б». В аварском слове *риш* «р» является корневой основой. Таковым же остается «р» и в андийском *рейбу*. Считать, что во втором случае «р» является грамматическим показателем класса, сложно по двум причинам. Во-первых, исходя из семантического единства (со смещением значения) аварского *риш* и андийского *рейбу*, место классного показателя в собственно андийском варианте занимает не начальное «р», а «б» в форме суффикса, и, во-вторых, названия всех остальных времен года в андийском (а в аварском – всех без исключения) представлены без классного показателя.

Смысловое смещение в сочетании с существованием классного показателя в андийском варианте указывает на то, что трансформация исходного для обоих (аварского и андийского) языков слова (соответственно и его значения) произошла именно в андийском языке. Таким образом, теоретически семантика слова *ребля* связана с собственно андийским *рейбу* и буквально должна означать «весеннее»¹. Именно так (как приплод от весеннего окота – ярка) и понимается андийцем смысл андийского *ребля* – названия ягненка возрастом в промежутке от 6 месяцев до 1,5 года.

Возрастная градация особей мелкого рогатого скота у носителей рассматриваемых языков единая. Следовательно, и соответствующие названия должны были возникнуть в этих языках если не одновременно, то без какого-либо значительного временного разрыва. Тем интереснее обнаружить, что рассматриваемое слово отличается не только в андийских и аварском, но внутри андийских языков. Сравним: аварское *горккен*, андийское *ребля* и чамалинское *йельаб*. В чамалинском мы обнаруживаем замену «р» – оказателя грамматического класса в андийском, на соответствующий формант чамалинского («й»). Существенно, что это происходит в согласии с отличными от собственно андийского языка фонетическими и/или грамматическими особенностями чамалинского. В связи с этим возникает вопрос – были ли андийский и чамалинский языки чем-то слитным в момент возникновения анализируемого и других подобных ему слов, учитывая

¹ Аналогичное сопоставление годоберинского «*ребля*» (яловая) с ботлихским «*реб*» (весна) делал Т.Е. Гудава (1958). П.Т. Магомедова (1988. С. 83–101) считает данное сходство случайным совпадением. Я не считаю этот скепсис оправданным, поскольку речь тут идет не только о внешнем сходстве, но и о семантической связи понятий.

особенно то, что замены указанного выше характера в чамалинском достаточно регулярны?

Т I о р (колос) – слово очень показательное для рассматриваемого вопроса. С историко-фонологической точки зрения в нем мы видим реализацию известного правила, согласно которому аварское «**mI**» в определенных позициях находит соответствие андийскому «ъ» (см. в таблице **mIop** (ав.); **ъара** (гаквар. диал. чам. яз.). Согласно этому же правилу в диалектах собственно андийского языка аварское «**mI**» должно находить соответствия в «ъ», «л'» и «л». Рассмотрим классический пример: **рамIа** (лапа; ав.) – **ре'а** (рука; мунинский диал. анд. яз.) **рел'а** (рука, гатлинский говор, анд. яз.) – **рела** (рука; андийский говор анд. яз.). Этот пример показывает, что в гакваринском диалекте чамалинского языка аварское **mI** усвоено прямо с реализацией специфического именно для этого диалекта фонетического перехода. В андийском данное слово предстает так же с ассимиляцией к фонетическим особенностям данного языка, но в дополнение к этому еще и с метатезой (рола). То есть, если бы переход осуществлялся из аварского в собственно андийский язык (в варианте современного говора с. Анди) без метатезы, то указанное слово должно было бы звучать «**лора**». Даже если бы трансформация ограничивалась только указанным, то отмеченного было бы достаточно, чтобы считать это слово заимствованным из аварского. А когда вдобавок к фонетической трансформации происходит еще и метатеза, в заимствованном характере данного слова сомнений не остается.

Почти идентичны в аварском и андийских языках слова, обозначающие орудия, средства и процессы аграрного уклада хозяйства: *сери, молотильные доски, сошник, соха, ярмо, гребень для шерсти, борозда, молотьба, пахать, жать* и т.д. При этом существенные отличия обнаруживаются в словах, которые менее подвержены миграции.

Словарный состав, относящийся к названиям продуктов переработки скотоводческой и земледельческой продукции, в аварском и андийском языках обнаруживает существенные различия. В большей степени это характерно для скотоводческой части лексики: *трава, сено, корзина для сена, кизяк, шкура, шерсть, масло, сметана, сыворожка, простокваша, пастух* и др. Оно заметно и в лексике, связанной с земледельческими продуктами: *хлеб, хинкал, толокно, жареное зерно* и др. И в том, и другом случаях наблюдается следующая закономерность – указанные слова не относятся к той части лексики, которая подвержена быстрому и легкому заимствованию. Такие, например, понятия, как *сено, кизяк, шерсть, сыворожка* и т.п., не являются изобретениями или плодом интеллектуальных усилий, доступных немногим. Не существуют эти слова и отдельно одно от другого. Отсюда понятно, что и географическая вариабельность их морфологии будет несравненно более разнообразной, чем у слов, служащих для наименования орудий, технических приспособлений и технологий.

Если обратиться к земледельческой части словаря, с лингвистической точки зрения наиболее убедительным доказательством именно заимствованного характера слов этой лексики из аварского в андийский являются случаи метатезы в заимствующем языке. Например, **пуруц** (ав.) – **ребциу** (анд.) (*соха*), или **лул-би** (ав.) – **бели-мол** (анд.) (*молотильные доски*). Причем, существенно отметить, что видоизменение этих заимствованных слов в разных андийских языках осуществляется совсем не единообразно – сравним, например, андийское **ребциу** и ахвахское **Гебецие** (*соха*). Эти моменты различий вместе с некоторыми другими, о которых

говорилось выше, являются указаниями на то, что процесс заимствований, о которых идет речь, имел не линейный, а кустящийся характер. То есть, заимствующей стороной уже в глубокой древности выступал не единый андийский язык, а группа близких друг другу андийских языков.

Из слов «строительного» содержания показательным для рассматриваемой проблемы является, например, *руссун* (*ясли*) в аварском и *орссин* (*ясли*) в андийском. И в грамматическом, и в семантическом смыслах это слово бесспорно аварское. Смысловое содержание, семантика данного слова – «место возвращения». В грамматической структуре слова – *р* является префиксом-указателем грамматического класса во множественном числе; *сс* – корень семантической основы со значением «возвращение» и *н* – аффикс отглагольной именной формы. В андийском слово, образованное строго по этой модели, должно было бы иметь форму *ришор*.

Трансформация органичного в грамматическом и смысловом отношениях аварского *руссун* в андийское *орссин* красноречиво свидетельствует о заимствовании данного слова из аварского. Наличие этого и других однородных заимствований предполагает раздельное существование и взаимодействие данных языков, по крайней мере, в момент, когда у носителей андийского языка утверждается стойловое содержание домашних животных. Согласно археологическим данным для всего Внутреннего Дагестана этот рубеж относится ко времени не позднее 3-го тысячелетия до н.э.

Для рассматриваемой проблемы очень показательны и примеры того, как в данных языках материализовались слова, которые были в глубокой древности заимствованы из иного, но единого внешнего источника. Интересным в этом смысле является слово «ключ» – заимствованное в восточнокавказские языки из праиндоевропейского¹. Как проявились в этих случаях механизмы оформления слов в заимствующих языках? В аварском звучании (*кIул*) слово остается максимально близким к заимствуемому источнику (праиндоевропейское «*kIēu»). В андийском (*рекIу*) и чамалинском (*йекIу*) оно представлено уже со своими специфическими для каждого из них префиксами, которые служат для маркирования в разных видах одного и того же грамматического класса, к которому относится слово «ключ» в двух рассматриваемых языках. Таким образом, очевидно, что данное слово в ходе заимствования демонстрирует три разных варианта адаптации к разным грамматическим нормам словообразования в заимствующих языках. Отмеченное возможно лишь в том случае, когда три языковые единицы уже существуют порознь. И это утверждение сохраняет силу даже в том случае, если рассмотренное и другие подобные слова заимствуются каждым из трех языков не по отдельности, а опосредованно.

Еще одно из слов, заимствованных аварским и андийскими языками (*Nikolaev S.L., Starostin S.A., 1994, P. 449*) на протовосточнокавказском уровне из того же протоиндоевропейского источника, – *gwīrdwV* («одежда», «рубашка»). Это слово присутствует в аварском («горде»), но не во всех андийских языках. Его нет, например, в диалекте с. Анди собственно андийского языка, а также, судя по слова-

¹ Мнение С.А. Старостина об обратном направлении заимствований большого ряда слоев культурной лексики базируется не на собственно лингвистических основаниях, а на представлениях о характере историко-культурного развития в ареалах предполагаемого расселения в древности носителей северокавказских и индоевропейских языков (*Starostin S.A., 1988*). Как отмечалось выше, эти представления нуждаются в существенных корректировках в свете современных данных археологии.

рям, в годоберинском (Саидова П.А., 2006), ахвахском (Магомедова П.Т., Абдуллаева И.А., 2007), чамалинском (Магомедова П.Т., 1999), тиндинском (Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., 1990. С.124). В тех же андийских языках, где оно имеется (мунинский диалект собственно андийского языка, каратинский, ботлихский языки), это слово, по всей видимости, заимствовано уже из аварского. Не являются ли этот и другие подобные примеры показателем отдельного взаимодействия аварского и андийского (андийских) языков с внешним языковым миром уже на этапе существования реконструируемой протоиндоевропейской языковой общности (т.е. не позднее 3 тысячелетия до н.э.)?

Приведенные выше материалы и основанные на них заключения представляются достаточными для того, чтобы поставить вопрос о гораздо более раннем, чем принято считать, времени расхождения аварского и андийских языков. По археолингвистическим данным, это относится ко времени не позднее третьего тысячелетия до н.э. Однако, исходя из этого, неверно было бы делать вывод о том, что в указанное время в границах древнего аваро-андийского ареала существовали порознь и взаимодействовали два и только два консолидированные каждый внутри себя языка – протоаварский и протоандийский. И грамматические, и лексические данные свидетельствуют о более сложной картине, которая подходит под определение «диалектный континуум» или «первобытная лингвистическая непрерывность» внутри двух (протоаварской и протоандийской) языковых общностей.

Применение предложенного подхода к анализу соответствующего лексического материала в широком плане может служить выработке альтернатив при рассмотрении ряда общих проблем сравнительно-исторического изучения языков Восточного Кавказа. Это будет касаться, прежде всего, проблем времени и места формирования как самих языков, так и их групп, а также характера развития и взаимодействия последних на протяжении нескольких тысячелетий доисторической эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. М.
- Атаев Б.М., 1997. К вопросу об общей аваро-андо-цезской лексике // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. IV. М.
- Атаев Б.М., 2005. Аварцы. Язык, история, письменность. Махачкала.
- Бокарев Е.А., 1961. Введение в сравнительно-историческое изучение тегестанских языков. Махачкала.
- Бокарев Е.А., 1981. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М.
- Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. (Эпоха энеолита и ранней бронзы). М.
- Гигинейшвили Б.К., 1977. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси.
- Гудава Е.Т., 1958. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., 1990. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.
- Магомедов Р.Г., 1998. Гинчинская культура. Махачкала.

- Магомедова П.Т.*, 1988. Термины овцеводства в чамалинском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала.
- Магомедова П.Т.*, 1999. Чамалинско-русский словарь. Махачкала.
- Магомедова П. Т., Абдуллаева И.А.*, 2007. Ахвахско-русский словарь. Махачкала.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М.*, 2003. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.
- Мерперт Н.Я.*, 1988. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Мунчаев Р.М.*, 1953. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дисс. М.
- Мунчаев Р.М.*, 1982. Памятники культуры энеолита Кавказа // Энеолит СССР // Археология СССР. Ответ. Ред. Тома: В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. М.
- Николаев С.Л., Старостин С.А.*, 1984. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистические реконструкции и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Часть 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тысячелетиях до н.э. М.
- Саидова П.А.*, 2006. Годоберинско-русский словарь. Махачкала.
- Старостин С.А.*, 1985. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М.
- Старостин С.А.*, 1988. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.
- Черных Е.Н.* 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Nikolaev S.L., Starostin S.A.*, 1994. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow.